

Японские исследования. 2019. №1. С. 73–93.
Japanese Studies in Russia, 2019, 1, pp. 73–93.
DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10005

Энтомологический код японской культуры

Т.М. Гуревич, Н.Н. Изотова

Аннотация. Предметом исследования является энтомологический код японской культуры. Объектом исследования послужили «семантически нагруженные» образы насекомых и энтомосемизмы, представленные в японской фразеологии. Цели и задачи статьи определяются особым отношением японцев к насекомым и заключаются в выявлении семантического и мотивационного своеобразия японской энтомологической лексики, описании символической репрезентации образов насекомых в японской лингвокультуре. Актуальность исследования обусловлена значимостью изучения способов концептуализации представлений о мире, воплощённых в японском языке.

Методологической основой послужил лингвокультурологический анализ, в котором феномены культуры и языковые явления рассматриваются сквозь призму взаимного влияния, семантический, структурный и описательный методы.

В ходе исследования была рассмотрена семантика значимых для японской лингвокультуры образов насекомых: бабочек, стрекоз, цикад, сверчков и светлячков, выявлена их этнокультурная специфика, описана репрезентация в литературных и фольклорных источниках.

Исследование показало, что человек воспринимает мир через определённые символы, сложившиеся на протяжении веков в культуре народа. На материале мифов и символов, выступающих в роли воплощений представлений об окружающей действительности носителей японского языка, прослеживается неразрывная связь языка и культуры. Проведённый анализ позволяет заключить, что представления о насекомых широко распространены не только в японском языке, но и в культуре, о чём свидетельствует богатство и разнообразие связанных с ними литературных источников, ритуалов и верований, мифопоэтических представлений. Образы насекомых, будучи элементом культурной информации, восходят к глубинным слоям национального культурного пространства, встроены в миф и архетип, характеризуются архаичностью, смысловой и структурной самобытностью, способностью вступать во взаимодействие с современным культурным контекстом.

Авторы приходят к выводу о том, что образное мышление разных народов характеризуется семантическим и структурным своеобразием, что находит яркое отражение во фразеологической системе. Энтомосемизмы как богатый источник разного рода метафорических обозначений представляют определённую сложность при переводе, так как отражают специфические для японского народа оценки окружающего мира.

Ключевые слова: насекомые, культура, энтомосемизмы, бабочка, стрекоза, цикада, светлячок, сверчок, фразеология, символ, поэзия.

Авторы:

Гуревич Татьяна Михайловна, доктор культурологии, профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России. E-mail: tmgur@mail.ru

Изотова Надежда Николаевна, кандидат культурологии, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России. E-mail: izotova@list.ru

The entomological code of Japanese culture

T. M. Gurevich, N. N. Izotova

Abstract. The subject matter of the paper is the entomological code of Japanese culture. The object of the research are the semantically loaded images of insects and entomosemisms in Japanese phraseology. The goals and objectives of the paper derive from the special attitude of the Japanese to insects and consist in identifying the semantic and motivational peculiarities of Japanese entomological vocabulary, describing the symbolic representation of insect images in Japanese linguoculture. The relevance of the study is due to the importance of studying ways of conceptualizing ideas about the world view embodied in Japanese language.

Methodology: in the paper, the linguocultural analysis, viewing the phenomena of culture and language through the prism of mutual influence, semantic, structural, and descriptive methods were used.

The study examined the semantics of insect images significant for the Japanese linguoculture: butterflies, dragonflies, cicadas, crickets, and fireflies, revealed their ethnic-cultural specificity, described their representation in literary and folklore sources.

Conclusions: the study showed that a person perceives the world through certain symbols that have developed over the centuries in the culture. Using the material of myths and symbols, which act as embodiments of a certain way the Japanese people see objective reality, the authors reveal the inextricable link between language, culture, and cognition.

The analysis of the literary sources, rituals and beliefs, the mythopoetic ideas associated with insects, lead to the conclusion that insects are widely represented not only in Japanese language, but also in culture.

The research proves that the images of insects are an element of cultural information and an integral part of the national cultural space embedded in myth and archetype, characterized by archaism, structural and semantic peculiarities, the ability to interact with modern cultural context.

The authors come to the conclusion that the imaginative thinking of different nations is characterized by semantic and structural originality, which is vividly reflected in the phraseological system. Entomosemisms, being a rich source of various kinds of metaphorical designations, presents a certain difficulty in translation, since they reflect the assessments of the surrounding world which are specific to the Japanese people.

Keywords: insects, culture, entomosemisms, butterfly, dragonfly, cicada, firefly, bell cricket, phraseology, symbol, poetry.

Authors:

Gurevich Tatyana M., Doctor in Cultural Studies, Professor of the Department of the Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the MFA of Russia. E-mail: tmgur@mail.ru

Izotova Nadezda N., PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of the Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian languages, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the MFA of Russia. E-mail: izotova@list.ru

Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека [Красных, 2002, с. 232]. В японской, как и в любой культуре, вырабатывается и функционирует так называемый культурный код, который передаёт материальный и духовный опыт народа в процессе его жизнедеятельности, соотносится с древнейшими представлениями человека и в той или иной символической форме «кодирует» эти представления. Культурный код, будь то соматический, зооморфный, растительный, предметный или пищевой, описывает те или иные фрагменты картины мира.

Насекомые всегда были вовлечены в мир человека. Поэтому не вызывает удивления, что они довольно часто становятся неотъемлемой темой литературы и искусства. С ними связаны многие мифы и верования людей.

Пристальный интерес к миру насекомых обусловлен сакральным отношением к природе, архаическим мировосприятием японцев. «Японец стремится видеть прекрасное в первую очередь даже не в человеческой жизни, а в природе», – подчёркивал японский социолог Кояма Ивао [Кояма, 1972, с. 20].

На внимательное и трепетное отношение ко всем живым существам оказал влияние буддизм, проникший в Японию в середине VI века. Согласно буддийским воззрениям, доброта ко всему живому является качеством, необходимым для улучшения кармы людей в цикле перерождений. Древняя притча гласит: «Один монах построил себе глиняную хижину и решил её подпечь, дабы придать ей прочность. Будда воспротивился этому, боясь, что в огне погибнут насекомые. Хижину по его велению разобрали, чтобы не давать плохих примеров будущим поколениям» [Борейко, 2000, с. 8].

В сутре «Чула-вачче» (по другой транскрипции – «Чула-вагге»), в стихе шестом, говорится о любви Будды ко всем живым существам без исключения:

Я люблю существа, которые не имеют ног,
А также тех, у которых есть две ноги.
Тех, кто имеет четыре ноги, я тоже люблю,
Как и тех, которые имеют много ног.
[Борейко, 2000, с.10].

В различных районах Японии можно увидеть стелы и буддийские изображения, посвящённые не только животным, но и насекомым.

В городе Насу префектуры Тотиги установлена «Ступа поминовения насекомых» 螻蛄 供養塔 *окэра кудэ:то*: в память о насекомых, которых крестьяне ловили в качестве живого корма для соколов верховного правителя Японии сёгуна.

Во времена, когда не было химикатов и вредных насекомых собирали с растений вручную, японцы сооружали «могилы насекомых» 虫塚 *мусидзука*. Они служили для поминовения насекомых, которым, несмотря на причиненный ими вред, устраивали заупокойные службы за отобранную у них жизнь. Церемонии «изгнания насекомых» 虫追い *мусиои* когда-то проводились в каждом населённом пункте по всей стране, и люди вместе молились об избавлении от вредителей [Иси, 2017].

Любовь японцев «к малым существам, обычно пренебрегаемым людьми Запада», японский буддолог Судзуки Дайсэцу Тэйтаро объясняет тем, что «эти незначительные и презренные существа находятся в тесном взаимодействии с великой целокупностью вселенной» [Судзуки, 2003, с. 270].

Мифопоэтические представления, связанные с насекомыми, нашли яркое отражение в различных японских источниках, начиная с древнейших времен до наших дней [Мещеряков, 2008, с. 75-96; Касаи, 1997].

Образы насекомых часто фигурируют в японской литературе. В прославленных своей лаконичностью лирических пятистишьях (*танка*) и трёхстишьях (*хокку*) Басё, Исса, Бусон,

Камо Мабути, произведениях других писателей встречаются десятки наименований различных видов насекомых. Многие из них совсем не известны европейцам, словари предлагают лишь их латинские названия, поскольку в европейских языках нет слов, обозначающих этих насекомых.

Например, в романе Абэ Кобо «Женщина в песках» есть сравнения с осой, кладущей яйца, с жужелицей-разнолапкой, с личинками бабочки-мешочницы, с божьими коровками, со скорлупкой, сброшенной летней цикадой, с крылышками и полётом стрекозы [Абэ, 1988]. В тексте романа много сравнений с различными песочными жуками, для каждого из которых есть привычное для японцев название. В специальных энтомологических справочниках можно найти латинские соответствия для них – *Cicindela chinensis*, *Cicindelidae*, *Degeer* и др., но они ни о чём не говорят европейцам и не вызывают тех ассоциаций, которые возникают у японцев при упоминании конкретного насекомого.

Образы насекомых в японских литературных источниках, как правило, имеют положительную коннотацию, олицетворяют стремление к гармонии с природой, учат видеть прекрасное в обыденном.

Не гоните прочь
Овода, – он прилетел
Навестить цветы.
(Исса, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 796].

О, проснись, проснись!
Стань товарищем моим,
Спящий мотылек!
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 743].

Японские поэты показывают нам, что жизнь столь неприметных существ имеет не меньшую ценность, чем человеческая, тем самым подталкивают к мысли о сущности бытия, скоротечности нашего мирского существования перед лицом вечности.

Ой, не бейте муху!
Руки у неё дрожат...
Ноги у неё дрожат...
(Исса, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 795].

Энтомологический код культуры отражает архетипические представления, ритуалы и верования, с ним связаны яркие мифопоэтические образы, поэтому изучение семантики образов насекомых, их языкового воплощения во фразеологии будет способствовать лучшему пониманию мировосприятия носителей японского языка, «расшифровке “культурных кодов” с целью уточнения понимания культурных форм как единства “гетерогенного”» [Силантьева, Шестопал, 2017, с. 17].

Семантика образов насекомых в культуре

В «Летописи Японии» «Нихон сёки» 「日本書紀」, составленной в 720 г., упоминаются стрекозы あきつ *акицу*. Летопись повествует о том, что первый император Дзимму Тэнно «взошёл на холм Попома-но Вока в Вакигами, обозрел страну и изрёк: “Ах, какую прекрасную страну я получил! Хоть эта страна бумажной шелковицы узкая, но похожа на выгнувшуюся стрекозу”» [Нихон сёки, 1997, с. 194]. Отсюда впервые пошло название Акицу-сима «Стрекозиный остров».

В «Нихон сёки» также описывается случай, когда 21-й император Юряку Тэнно охотился в открытой степи в Ёсино. Слепень сел ему на руку и ужалил её. Внезапно с неба спикировала стрекоза и тут же улетела, проглотив слепня. Император был так доволен, что назвал область «Стрекозья равнина» あきつ野 *Акицу но*. Эти события подтвердили название Японии – «Стрекозиный остров» あきつ島 *Акицу сима*: «Твой, [о стрекоза] облик примет Страна Ямато, Акицу-сима, – Стрекозиный остров» [Нихон сёки, 1997, с. 351].

Император Дзёмэй, правивший в VII веке, также сравнивал Японию со стрекозой:

О, вот она – чудесная страна,
Заветный край мой – Акицусима!
Как крылья стрекозы, простёрты острова,
Страна Ямато – вот она!
[Манъёсю, 1971, с. 6].

Стрекозы считались приносящими удачу насекомыми-победителями 勝ち虫 *кати муси*. Их изображения часто встречаются на гербах самурайских родов, на шлемах, клинках мечей и колчанах стрел самураев, солдатских головных уборах и прочих предметах одежды.

Образ стрекозы часто фигурирует в литературе, особенно в поэзии хайку.

Всё кружится стрекоза...
Никак зацепиться не может
За стебли гибкой травы.
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 755].

Над волной ручья
Ловит, ловит стрекоза
Собственную тень.
(Тиё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 784].

Устали стрекозы
Носиться в безумной пляске ...
Ущербный месяц.
(Кикаку, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 780].

Древние представления о вечности, счастье и любви связаны у японцев с бабочками 蝶 *тё*. Они вызывают интерес благодаря метаморфозам, которые переживают в своём развитии, ассоциируются с бесконечной цепью перерождений, циклом жизни и смерти. Бабочка, по верованиям японцев, олицетворяет молодую женщину. Порхающие друг вокруг друга бабочки символизируют семейное счастье, а белая бабочка – душу умершего. Считается, что души влюблённых, покончивших жизнь самоубийством, переселяются в белых бабочек. Именно поэтому многие торжественные шествия и праздники в Японии начинаются с ритуального «танца бабочек», выражающего радость жизни [Алексеев, 2006, с. 190].

Бабочек когда-то считали душами живых людей. Если бабочка влетала в комнату для гостей и садилась за бамбуковой ширмой, это был верный знак, что человек, которого она представляет, вскоре войдёт в дом. Бабочка в доме считалась хорошей приметой, хотя всё зависело от того, какого человека она олицетворяла [Дэвис, 2008, с. 118].

В древности бабочки часто участвовали в романтических играх и развлечениях. Например, император использовал бабочек, чтобы они выбирали за него наложниц. На вечерах в императорском саду прекрасные девушки выпускали из клеток бабочек. Трещина яркими крылышками, бабочки порхали вокруг и усаживались на самых красивых девушек, которых император щедро одаривал [Ильина, 2007, с. 251–252].

Изображение бабочки часто служило символом для родовых гербов кланов самураев – 家紋 *камон* «фамильный герб». Могущественный клан Тайра, игравший ведущую роль в Японии в эпоху Хэйан (794–1185), использовал в качестве герба стилизованное изображение бабочки-махаона 揚羽蝶 *агэхатё*: [Камон-но ю:рай].

Бабочка – первая форма *оригами*, которая когда-либо была сделана. Бабочка в технике оригами была вдохновлена стихотворением Ихара Сайкаку в 1680 г., в котором он описывает сон о бумажных бабочках: 盧齊が夢の蝶は「おりすえ」とある。 / *Росэй га юмэ-но тё: ва орисуэ то нару.* / «Бабочки в мечтах Росэй были бы оригами». Ихара обратился к самым старым в истории *оригами* базовым формам *おりすえ орисуэ* – двум бумажным бабочкам 雌蝶 *мэтё*: «женщина» и 雄蝶 *отё*: «мужчина». Этими бабочками до сих пор принято украшать бутылки с *сакэ* во время японских свадебных церемоний по синтоистскому обряду [Игараси, 2012, с. 47].

Пристрастие японцев к бабочкам отражается в изобразительном искусстве, гравюре *укиё-э*, их изображение можно увидеть на гребнях и узорах традиционных *кимоно*. Бабочка – одна из тем поэзии и прозы.

Бабочки полёт
Будит тихую поляну
В солнечном цвету.
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 742].

В зарослях сорной травы
Смотрите, какие прекрасные
Бабочки родились!
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 794].

Грузный колокол.
 А на самом его краю
 Дремлет бабочка.
 (Бусон, перевод В. Марковой)
 [Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 786].

Свет зари вечерней!
 На затихшей улице
 Бабочки порхают.
 (Кикаку, перевод В. Марковой)
 [Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 781].

Образ бабочки широко используется в современной массовой культуре в *анимэ* и *манга*. В анимэ-сериале «Блич» бабочки играют роль путеводителей для духов мёртвых [Bleach, 2004–2012]. В «Сейлор Мун» бабочка олицетворяет принцессу Кагуя [Pretty Soldier Sailor Moon S, 1994–1995]. В манге «Литтл баттерфляй» это символ свободы и надежды для двух молодых влюблённых, которые хотят сбежать, чтобы быть вместе [Таканага, 2001].

Светлячок 蛍 *хотару* – ещё одно почитаемое в Японии насекомое. Начиная с VIII века светлячки служили метафорой страстной любви в поэзии.

Ты отцвёл, ушёл навек...
 С яшмовым копьём гонец
 Мне принес об этом весть,
 И как светит светлячок, –
 Еле-еле, так едва
 Донеслась до слуха весть,
 Стала пламенем земля
 Под ногами у меня,
 Броситься бы мне бежать,
 Но куда, не знала я...
 [Манъёсю, 1971, с. 175]

Лишь вечер настаёт,
 Пылаю я сильней,
 Чем светлячок.
 Но пламени тебе, наверное, не видно,
 И оттого ты равнодушна.
 (Ки-Но Томонори, перевод А. Глускиной)
 [Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 678].

Как ярко горят светлячки,
 Отдыхая на ветках деревьев!
 Дорожный ночлег цветов!
 (Басё, перевод В. Марковой)
 [Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 756].

Очень часто в поэзии образ светлячка использовался для описания тайной любви. Согласно поверьям, яркое свечение этих насекомых проникает в сердце и пробуждает любовные чувства. В «Повести о Гэндзи» (*Гэндзи моногатари*), которая была создана на рубеже X–XI веков придворной фрейлиной Мурасаки Сикибу, принц Хёбукё, ухаживая за девушкой, желая привлечь её внимание, прячет в её покоях изрядное количество светлячков:

Молчит светлячок
О чувствах своих, но в сердце
Яркий огонь.
И сколько не старайся,
Не сможешь его погасить.
Но девушка не ответила на чувства принца:
Молчат светлячки,
Но тайный огонь их сжигает.
Знаю – они
Чувствовать могут сильнее
Тех, кто умеет петь.
[Мурасаки].

Считалось, что молчаливое свечение любви красноречивее, чем пустая трата слов.

Не плачет навзрыд,
Но пламени молча отдавшись,
Горит светлячок, –
Наверное, так же, как я,
Любовным недугом объят...
(Таясу Мунэтакэ, перевод А. Долина)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 798].

Светлячки символизируют души умерших воинов, призрачность и быстротечность жизни.

Увы, в руке моей,
Слабея неприметно,
Погас мой светлячок.
(Кёрай, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 778].

Ах, не топчи траву!
Там светлячки сияли
Вчера ночной порой.
(Исса, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 793].

Дэвид Хэдленд в книге «Мифы и легенды Японии» пишет: «Говорят, что светлячки – это призраки старых воинов из кланов Минамото и Тайра. В ночь двадцатого дня четвёртой луны они сражались в великой битве на реке Удзи. В ту ночь всех пойманных и посаженных в клетки светлячков выпускают, чтобы они снова могли участвовать в битве старинных кланов, которая происходила в XII веке. Особое магическое значение светлячков усиливается ещё и потому, что эти насекомые любят кружиться вокруг ивы – дерева, внушающего суеверный страх японцам. В давние времена считалось, что светлячки могут использоваться в медицинских целях. Полагали, что мазь из светлячков нейтрализует все яды и, более того, обладает способностью изгонять злых духов и предохранять дом от нападения грабителей» [Хэдленд, 2008, с. 157].

Любоваться полётом светлячков принято в июле. Это такая же традиция, как наслаждаться цветением сакуры весной или красными листьями кленов в осенние дни.

Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья» замечает, что лучшее время суток летом – это ночь. «Слов нет, она прекрасна в лунную пору, но и безлунный мрак радует глаз, когда друг мимо друга проносятся бесчисленные светлячки. Если один-два светляка тускло мерцают в темноте, всё равно это восхитительно» [Сэй, 1988, с. 25].

Образ светлячка нашёл отражение в современной массовой культуре Японии.

蛍の墓 *хотару-но хака* «Могилы светлячков» – японский анимационный фильм (1988), основанный на автобиографическом романе Носака Акиюки. В нём рассказывается о судьбе двух сирот во время американской бомбардировки в конце Второй мировой войны.

蛍の光 *хотару-но хикари* «Свет светлячка», пожалуй, одна из самых популярных японских песен. Её часто поют, прощаясь друг с другом, например, на выпускных вечерах по случаю окончания учебных заведений, торжественных церемониях закрытия мероприятий, в конце года.

Японские дети очень любят песню 蛍、来い *хотару, кой* «Приходи, светлячок» [Абэ, 2017].

Светлячки обитают только около чистых водоёмов. В наши дни из-за загрязнения окружающей среды их количество сокращается, именно поэтому свечение этих насекомых символизируют «чистоту окружающей среды». Энтомолог Кониси Масаясу сильную привязанность японцев к светлячкам называет «национальным общественным феноменом», не имеющим мировых аналогов:

«Сейчас в некоторых районах Японии местные муниципальные власти и граждане защищают, восстанавливают и расширяют среду обитания светлячков. При необходимости выращивают и выпускают улиток и другой корм для светлячков.

В настоящее время одним из популярных способов времяпрепровождений у японцев стало наблюдение за процессом появления крылатых насекомых из оболочки куколки. В давние времена люди ловили их просто для развлечения, а теперь мы любим ими и изучаем их... Защищать их означает сохранять мир природы, в котором они живут...» [Кониси, 2005].

Е.С. Сычёва, исследуя символизм образов насекомых в современной японской массовой культуре, корни которой уходят в национальный фольклор, сосредоточила своё внимание на бабочках 蝶 *тё:* и светлячках 蛍 *хотару*. Представления японцев об этих насекомых менялись с течением времени, но интерес к ним никогда не проходил: так, «бабочки из символа смерти стали символом хрупкости и беззащитности, сна (иллюзии) или

жизни как таковой; светляки из знака любовного томления превратились в визуальный маркер потустороннего мира» [Сычёва, 2017, с. 188].

Японцы с большой любовью относятся к цикадам 蟬 *сэми*, символу лета. В Японии живут более тридцати видов цикад, и японцы различают пение каждого вида. Чаще всего на телевидении и в *анимэ* звучит «песня» *みんみん минмин*, которая представляет собой стрекот цикад 蟬 *минмин-дзэми*. Цикада 油蟬 *абура-дзэми* (油 *абура* «масло») известна своим жужжанием. Звуки, производимые множеством цикад *абура-дзэми*, напоминают шипение масла на сковороде... Японцам известна и песня цикады 熊蟬 *кума-дзэми*, которая звучит как *つくつくぼうし цукуцуку бо:си*. В конце августа и в первых числах сентября можно услышать заунывное пение: *かなかなかなかな канаканаканакана*. Это голос цикад 日暮蟬 *хигураси-дзэми*, который возвещает о последних днях лета и начале осени [Cicadas in Japan].

Описание лета как в японской литературе, так и в письмах японцев, почти никогда не обходится без упоминания цикад. Цикады настолько ассоциируются с летом, что редко можно увидеть летнюю сцену в японском телешоу или *анимэ*, в которых не слышно, как они стрекочут [Kendall, 2014].

«Пение *минмин-дзэми* напоминает напевное чтение молитв буддийского монаха, в то время как зелёные японские цикады *сэми*, или *хигураси*, звучат как позвякивание маленьких колокольчиков. Есть примета, что засушенный жучок увеличивает запас одежды... согласно буддийскому учению, всякая жизнь священна, и, более того, буддисты верят, что из-за некоторых грехов души мужчин и женщин могут перевоплощаться в мелких насекомых» [Хэдленд, 2008, с. 155].

Мы очень часто видим обращение к образу цикады в японской поэзии, классической и современной литературе.

В «Повести о Гэндзи» есть глава, в которой читатель знакомится с тем, что одну из женщин, которая осмелилась отказать главному герою, зовут 空蟬 Уцусэми. Это имя можно перевести как «пустая скорлупка цикады». Герой повести Гэндзи надеется застать Уцусэми в её покоях, но находит лишь её платье:

Под деревом
Сбросила платье цикада.
С тоскою гляжу
Я теперь на пустую скорлупку,
О ней вспоминая тайком.
[Мурасаки].

В японской поэзии образ цикады, символизирующий быстротечность лета, часто носит оттенок грусти.

И кто бы мог сказать,
Что жить им так недолго?
Немолчный звон цикад.
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 756].

О цикада, не плачь!
 Нет любви без разлуки
 Даже для звёзд в небесах.
 (Исса, перевод В. Марковой)
 [Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 792].

Верно, эта цикада
 Пенем вся изошла?
 Одна скорлупка осталась.
 (Басё, перевод В. Марковой)
 [Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 760].

Давайте сад поливать,
 Пока насквозь не промокнут
 Цикады и воробьи.
 (Кикаку, перевод В. Марковой)
 [Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 781].

Некуда воду из ванны
 Выплеснуть мне теперь.
 Всюду поют цикады!
 (Оникура, перевод В. Марковой)
 [Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 782].

Ловля цикад, которых нельзя купить в зоомагазинах, в отличие от 兜虫 *кабутто муси* «жуков-носорогов», 鍬形虫 *кувагата муси* «жуков-оленей», 鈴虫 *судзумуси* «сверчков», – популярное летнее хобби японских детей. Жуков-носорогов, жуков-оленей, сверчков многие дети держат в качестве домашних питомцев и даже дают им имена.

Японцы очень любят пение насекомых. «В самом деле, можно ли себе представить, что какой-нибудь герой в европейском романе станет, как Гэндзи, переносить с далёких равнин в свой сад насекомых, дабы наслаждаться их пением?» – писал французский антрополог Клод Леви-Стросс [Леви-Стросс, 2013, с. 61–62].

С давних пор в Японии наслаждаются «голосами» сверчков – звуками, которые они издают трением крыльшек о рубчатую поверхность задних лапок. Поёт только самец: приподняв надкрылья, он быстро потирает ими друг о друга. Японцы считают, что «пение» сверчков звучит не хуже птичьего, по своему звучанию подобно звону колокольчика: りんりん *ринрин*.

В древней Японии сверчок считался покровителем и охранником дома. Знатные японцы держали сверчков дома в богато украшенных клетках. Домики делали из бамбука. Сверчки начинали стрекотать, как только обживались и привыкали к своим хозяевам. Стрекотали они всю ночь напролёт. В отличие от собак, которые начинают лаять, почуяв приближение постороннего, сверчки замолкают, когда кто-то чужой проникает в дом. Привыкнув к стрёкоту сверчков, хозяева, когда сверчки замолкали и наступала тишина, просыпались и встречали незваных гостей во всеоружии.

В середине эпохи Эдо (1603–1867) получила распространение торговля насекомыми, а концу XIX века в стране продавалось уже более двенадцати видов насекомых, в том числе, искусственно выведенные сверчки [Умэя].

В окрестностях Киото есть 鈴虫寺 *судзумусидэра* – «Сверчковый храм». «Знаменит он тем, что сверчки там поют круглый год, а не только поздним летом или осенью, как им то положено природой. Для круглогодичного пения их содержат при определённой температуре в пяти плексигласовых прозрачных “аквариумах”, выставленных в зале для проповедей. Толпы народа приходят туда и слушают проповедника под чудесное и неумолчное пение сверчков. И при этом имеют ещё возможность наслаждаться их видом», – так описывает храм А.М. Мещеряков [Мещеряков, 2008].

Согласно древним японским поверьям, сверчки погибают, если у них нет пары. Поэтому в храм приходят люди, чтобы помолиться об обретении счастья в любви. Желание загадывается перед небольшим каменным изваянием 地藏様 *Дзидзо: сама*. Таких статуй множество по всей Японии, но в этом храме Дзидзо: обут в соломенные сандалии 草鞋 *варадзи*. Считается, что они нужны Дзидо:, чтобы потом прийти в дом просителя и исполнить его заветное желание [Кё:то Арасияма канко:-но тэра. Судзумусидэра].

Японские поэты и писатели обращались к образу сверчка в разные времена.

Сверчков голоса
На ограде в саду всё печальней,
Всё слабей с каждым днём.
О разлуке с осенью плачут они,
Но разве удержишь её?
[Мурасаки].

Какая грусть!
В маленькой клетке подвешен
Пленный сверчок.
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 760].

О, беспощадный рок!
Под этим славным шлемом
Теперь сверчок звенит
(Басё, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 752].

Какая долгая жалоба!
О том, что кошка поймала сверчка,
Подруга его печалится.
(Кикаку, перевод В. Марковой)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 780].

Дремоту прогнав,
На ночное небо гляжу –
Не взошла ли луна?
У самой подушки моей
О чём-то сверчок верещит.
(Окума Котомити, перевод А. Долина)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 804].

Радость какая!
Запел долгожданный сверчок.
Ах, если б вечно
Длилась прозрачная ночь,
Не заходила луна...
(Камо Мабути, перевод А. Долина)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 797].

Сверчок чуть слышен.
Становятся всё холодней
Осенние ночи.
Чудится, голос его
Уходит всё дальше, дальше...
(Фудзивара Тосинари, перевод В. Сановича)
[Библиотека Всемирной литературы, 1977, с. 711].

В различных городах Японии можно посетить музеи насекомых и послушать их концерты.

Телерадиокомпания Эн Эйч Кей так описывает подобный концерт: «На мероприятии в городе Итами префектуре Хёго было представлено около 300 насекомых восьми различных видов. В зале было выключено освещение, и на потолке появилось изображение ночного осеннего небосвода.

Вскоре начался необычный концерт, исполнителями которого были сверчки-колокольчики и сосновые сверчки. Позже к ним присоединился гигантский углокрылый кузнечик, который начал издавать сильные трели на радость присутствовавшим в зале» [NHK, 03.09.2017].

В качестве примера «выражения стереотипов японской культуры», «языковых мифов и предрассудков» В.М. Алпатов называет теорию врача отоларинголога Цунода Таданобу, согласно которой японцы воспринимают крики насекомых не левым полушарием, а правым. Соответственно, по мнению Цунода, эти крики относятся для них не к категории шумов, а к категории членораздельных языков, что позволяет ассоциировать писк насекомых со временами года [Цунода, 1978]. Впрочем, нельзя не согласиться с В.М. Алпатовым, который подчёркивает: «...японцы, многое заимствуя, любят гордиться обладанием чем-то особым, недоступным другим народам, часто это связывается с языком», исходя из априорной идеи «о превосходстве японской культуры над западной» [Алпатов, 2008, с. 48].

Энтомосемизмы в японской фразеологии

Исследователи отмечают, что «четырёхтомный академический Словарь русского языка содержит 79 названий насекомых, следовательно, лексико-семантическая группа русских энтомосемизмов состоит из 79 слов» [Корнилов, 2003, с. 28]. В неоднократно переиздававшемся с обновлениями японском толковом словаре *Кодзиэн 広辞苑* мы видим, по самым приблизительным подсчётам, около трёхсот названий насекомых, причём семьдесят из них сопровождаются иллюстрациями [Ко:дзиэн, 2008].

При переводе часто приходится прибегать к приёму, называемому смысловым выравниванием, которое предполагает замену конкретного видового названия насекомого более общим, например, называя разные виды стрекоз просто стрекозой. Это делается и тогда, когда известно латинское название насекомых, и тогда, когда в языке перевода существует точный перевод японского зоологического термина. Смысловое содержание образа, связанное в представлении японцев именно с упомянутым в подлиннике насекомым, в таком переводе, разумеется, если не полностью, то частично теряется. Так, в случае со стрекозами, о которых довольно подробно говорилось выше, в переводе, возможно, потеряются совсем не безразличные для автора текста какие-то характеристики именно той стрекозы, о которой он упоминает. Впрочем, такое смысловое выравнивание не изменит восприятия текста европейцем, не отличающим именно эту стрекозу от других. Зачастую при переводе и вовсе приходится отказываться от образа насекомого. Так, например, фразу 東京と大阪をとんぼ返りで往復した *то:кё:-то о:сака-о томбогаэри-дэ о:фукусита* приходится переводить просто: «съездил из Токио в Осака и тут же вернулся», не сохраняя сравнение быстрого изменения вектора движения с траекторией полёта стрекозы.

В японских устойчивых словосочетаниях, пословицах и поговорках очень часто встречаются энтомосемизмы. Специальное исследование следовало бы посвятить 虫 *муси* (можно перевести и как «насекомое», и как «червячок») – главному действующему лицу многих идиом. Приведём несколько других примеров, иллюстрирующих пристальное внимание японцев к насекомым.

Похоже, что японцам известен вкус насекомых, ведь недаром они говорят 苦虫を噛み潰したよう *нигамуси-о камицубусита ё:* – «разжевать горькое насекомое», что на русский следует перевести «состроить кислую мину».

Робкого человека японцы могут сравнить с насекомым, при этом в сравнение не вкладывается отрицательного смысла, поскольку считается, что 一寸の虫にも五分の魂 *иссун-но муси-ни мо гобун-но тамаси* – «и у маленького насекомого душа составляет пятую часть от него». Впрочем, приоритет «большого/вышестоящего» у японцев, воспитанных в условиях иерархического общества, просматривается в поговорке 小の虫を殺して大の虫を助ける *сё:-но муси-о короситэ, дай-но муси-о тасукэру* «убить маленькое насекомое, спасти большое», что означает «пожертвовать малым ради большого».

Одна из японских поговорок, положительно оценивающих неговорение, тоже обращается к образу насекомого: 黙り虫が壁を透過す一 *дамари муси-га кабэ-о тоокасу* – «молчаливый жучок проходит сквозь стены». Тот, кто целеустремлён и настойчив, в представлении японцев похож на таракана или муравья, ленивый и болтливый – на сверчка.

Верный возлюбленный в японской лирике сравнивается со светлячком, за которым укрепился положительный образ молчуна, а несерьёзный ветренник и болтун уподобляется какому-нибудь стрекочущему насекомому, например, кузнечику, сверчку или цикаде: 鳴く蟬よりも鳴かぬ螢が身を焦がす *наку сэми ёри мо накану хотару ми* – о когасу «молчаливый светлячок испытывает больше страсти, чем (поющая) цикада».

Беспочвенные споры и дебаты, пустые разговоры японцы уподобляют стрекотанию цикад, звучащему одновременно с громким кваканьем лягушек – 蛙鳴蟬噪 *амэй сэнсо*: «громкое кваканье лягушек и стрекотание цикад». Это выражение по смыслу близко русскому фразеологизму «буря в стакане воды», или, если мы попытаемся сохранить образ чего-то живого – «трещат как сороки».

螢族 *хотару дзоку* «племя светлячков» – так называют людей, которые вынуждены курить на балконах. В японских городах много многоэтажных жилых домов с небольшими балконами. Издалека огонек горячей сигареты выглядит как свечение светлячка.

Словосочетание 螢雪時代 *кэйсэцу дзидай*, букв. «эра светлячка и снега» японцы заимствовали у китайцев. Целеустремлённые прилежные студенты занимаются «при свете светлячков и сиянии снега». Выражение 螢雪の功 *кэйсэцу-но ко*: означает «плоды усердного изучения».

Как говорилось выше, образ бабочки характерен для классической японской поэзии. Не обошла своим вниманием его и японская фразеология. Например, избалованные и изнеженные дети, привыкшие к тепличным условиям, «воспитаны как бабочки или цветы» – 蝶よ花よと育てられた *тё: ё хана ё то содатэрарэта*, а об иллюзорности и призрачности жизни говорят 胡蝶の夢 *котё:-но юмэ* «жизнь подобна сну бабочки».

Японцы так же, как и русские, трудолюбивого и целеустремлённого человека сравнивают с муравьём: 千丈の堤も蟻の穴から *сэндзё:-но цуцуми-мо ари-но ана-кара* – «плотина длиною в тысячу дзё¹ разрушается от муравьиной норки». На умение этого насекомого выбраться из закрытого со всех сторон пространства намекает пословица 蟻の這い出る隙もない *ари-но хаидэру суки мо най* – «и муравей не вырвется» (букв. «нет лазейки, чтобы муравей пролез»), которую довольно часто можно встретить в повествованиях об успешных полицейских операциях.

Энтосемизмы в паремиях могут иметь отрицательную коннотацию, выступать метафорой разных жизненных ситуаций. О неприспособленности мужчин к жизни, о том, что они могут проигрывать в сравнении с женщинами, говорит пословица: 男やもめに蛆がわき女やもめに花が咲く *отоко ямомэ-ни удзи га ваки онна ямомэ-ни хана га саку* – «у овдовевшего мужчины разводятся мухи, у овдовевшей женщины расцветают цветы».

Фразеологизм 獅子身中の虫 *сиси синтю:-но муси* «паразит в теле льва» японцы употребляют тогда же, когда русские говорят «пригреть змею на груди», «отплатить злом за добро».

О людях, сохраняющих невозмутимый вид в любой ситуации, говорят: 蛇が蚊を呑んだよう *хэби га ка-о нонда ё:* – «(выглядит) как змея, проглотившая комара».

¹ Дзё: – мера длины, равная 3,03 м.

Очень худого человека по-японски можно сопоставить даже не с целым насекомым, а с его частью: 蚊の脛およびに瘦せた人 *ка-но сунэ-но ё:ни ясэта хито* – «тощий, как голень комара». Комар для японцев, вероятно, является воплощением мизерности. Про минимальное количество, то есть по-русски – «кот заплакал», японцы говорят 蚊の涙ほど *ка-но намида ходо* (букв. «столько, сколько слёз у комара»).

Ситуации, в которых за одной неприятностью следует другая, японцы выражают следующим образом: 泣き面に蜂 *накицура-ни хати* – «пчелы на зарёванную морду».

Совет заниматься своими делами и не вмешиваться в чужие часто звучит по-японски 頭の上の蠅を追い *атама-но уэ-но хаэ-о оэ* «сгоняй мух со своей головы».

О бессильных угрозах японцы говорят 蟻螂の斧を振る *то:ро:-но оно-о фуру* – «потрясать топором жучка-богомолы». Здесь мы встречаемся с «разночтением» образа насекомого в языковых картинах мира русских и японцев. Если последним кажется, что жучок делает движения, похожие на взмахи топором, то русские уподобляют эти движения поклонам богомольца.

О безвольном и беспомощном человеке японцы говорят 頭の上の蠅も追われぬ *атама-но уэ-но хаэ-о оварану* – «он даже мух со своей головы согнать не может».

Восточная медведка 虻 *кэра*, вероятно, из-за того, что она издаёт какой-то очень жалобный звук, представляется японцам совершенно неплатёжеспособной: выражение 虻になった *кэра-ни натта*, букв. «стал /превратился в/ кэра» имеет значение «остаться “на бобах”», «быть без денег». Слово 虫虻 *мусикэра* – «насекомое, червячок» имеет переносное значение «ничтожество». У японцев образным сравнением для бедняка, которому даже не во что одеться, является ещё одно насекомое – безволосая личинка 裸虫 *хадакамуси*. Очевидно, что было бы неправильно переводить это японское сравнение русским «гол как сокол», поскольку русский эквивалент подразумевает определённое пренебрежение материальной составляющей бытия, удаль и молодцеватость, а в японском явно чувствуется обездоленность и незащитность.

О хорошем знании энтомологии свидетельствует японское шутовское сопоставление супружеской пары, в которой жена выше и крупнее мужа: 蚤の夫婦 – *номи-но фуфу*, букв. «блошиная пара, супруги-блохи». В России, пожалуй, только профессиональные энтомологи знают о соотношении размеров пары блох, поэтому сохранение этого забавного образа при переводе, увы, неприемлемо.

Образ может быть сохранён при переводе японской характеристики трусливого человека 蚤の心臓 – *номи-но синдзо*: – «сердце блохи».

Когда русские говорят «палить из пушки по воробьям», японцы выражаются более изощрённо, а именно: ひらみの肌を槍で殺ぐ *хирами-но хада-о яри-дэ согу* – «пронзать копьём шкуру вши». При переводе этой, как и следующей, поговорки энтомологический образ сохранить не удастся. Хорошо, что и пушки, и воробьи имеют место и в японской национальной картине мира, поэтому в данном случае при переводе возможно сохранение образности, правда, с заменой образа.

虻蜂取らず *абухати торадзу* – «не поймать ни овода, ни пчелы» соответствует русской поговорке «за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь», и именно так её обычно и переводят, заменив образы насекомых на дичь [Гуревич, 2008, с. 53–55].

Заключение

Мировосприятие различных народов характеризуется национальным своеобразием, в нём проявляются специфические для данного народа оценки окружающего мира. Образы насекомых в различных лингвокультурах отличаются «семантической нагруженностью». Это свидетельствует о том, что способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти специфичен.

Цель работы заключалась в том, чтобы на примерах из художественных произведений и японской фразеологии подтвердить тезис об особом отношении японцев к насекомым. Для данной работы незначимо, когда и в каком районе Японии появилось какое-то выражение с упоминанием того или иного насекомого, авторы не ставили целью уточнение специфики употребления этих слов в разные эпохи. Нам важно было подчеркнуть сам факт пристального внимания японцев к облику и повадкам существ, зачастую просто не замечаемых представителями других культур. Приводя буквальный перевод и давая переносное значение фразеологизма, в состав которого входит энтомосемизм, мы попытались выявить генетический прототип фразеологизма, расшифровать глубинный смысл культурных явлений, что позволило узнать интересную экстралингвистическую информацию, помогло осознать концептуальное значение энтомологического кода для японской культуры.

Японская энтомологическая лексика имеет многовековую историю формирования, относится к старейшим пластам языковой картины мира, отличается богатой палитрой наименований. Семантика образов насекомых отражает архетипические представления японского народа, ритуалы и верования, связанные с его культурными традициями. Кроме того, энтомосемизмы выступают как богатый источник разного рода метафорических обозначений, в том числе и определений человека. Они могут «транслировать не только универсальные, общие для всех культур смыслы, но и когнитивный элемент семантики, который понятен только носителям японского языка» [Гуревич, Изотова, 2018, с. 28].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абэ Кобо. Женщина в песках. Чужое лицо/ пер. В. Гривнина. М.: Художественная литература, 1988. 352 с.

Алексеев В.Н. Бабочки в мифах и легендах. М.: Дрофа, 2006. 192 с.

Алпатов В.М. Япония. Язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.

Библиотека Всемирной литературы. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Художественная литература, 1977. 926 с.

Борейко В.Е. Постигание экологической теологии. Киевский эколого-культурный центр, 2000. URL: <http://padaread.com/?book=94661> (дата обращения: 14.01.2019).

Гуревич Т.М. Японский язык: проблема перевода зоонимов // Сопоставительная лингвистика. Типология языков. Теория перевода: материалы 3-й международной конференции. Москва–Казань, 2006–2008. М.: МГУ, 2008. С. 47–56.

Гуревич Т.М., Изотова Н.Н. Специфика зоологического кода японской культуры // Культура и цивилизация. 2018. Том 8, № 2А. С. 28–36.

Игараси Ю. Оригами-но рэкиси то хоикку кё:дзай тоситэ но оригами ни кансуру ко:сай : [Исследование истории оригами и оригами как средство обучения] // Урава ронсо:. 02.2012. №46. С. 45–68. URL: http://www.harimaya.com/o_kamon1/yurai/a_yurai/pack2/tyou.html (дата обращения: 23.01.2019). (На яп.).

Ильина Н. (сост.) Японская мифология. Энциклопедия. СПб.: Мидгард, 2007. 460 с.

Иси Х. Отношение японцев к животным // nippon.com – Информация о Японии. 13.07.2017. URL: <https://www.nippon.com/ru/features/c03910/> (дата обращения: 17.02.2018).

Камон-но ю:рай. Тё:мон : [Происхождение фамильных гербов. Герб бабочка]. URL: http://www.harimaya.com/o_kamon1/yurai/a_yurai/pack2/tyou.html (дата обращения: 17.01.2019). (На яп.).

Касаи М. Муси то нихон бунка : [Насекомые и японская культура]. Тайко:ся, 1997. 171 с. (На яп.)

Кё:то Арасияма канко:-но тэра. Судзумусидэра: [Храм Судзумусидэра в туристическом районе Арасияма Киото]. URL: <http://www.suzutera.or.jp/introduction/jizou.html> (дата обращения: 01.02.2019). (На яп.)

Ко:дзиэн : [Толковый словарь японского языка Ко:дзиэн]. Иванами сётэн, року хан, 2008. 3074 с. (На яп.)

Кониси М. Японские животные и японская культура: сверчки // Ниппония. 15.03.2005. №32. URL: <https://web-japan.org/nipponia/nipponia32/ru/index.html> (дата обращения: 10.01.2019).

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Кояма И. Нихон миндзоку но кокоро : [Душа японской нации] // Бунка руйэйгаку ко:сацу. То:кё:, 1972. С. 11–61. (На яп.)

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Левин-Стросс, Клод. Обратная сторона луны: Заметки о Японии. М.: Текст, 2013. 157 с.

Манъёсю : [Собрание мириад листьев – антология]: в 3-х томах/ пер. с японского и комментарий А.Е. Глускиной. М.: Главная редакция Восточной литературы, 1971. 678 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=134382&p=1> (дата обращения: 17.01.2019).

Мещеряков А.Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Издательство «Наталис», 2008. 556 с.

Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари). Книга 1. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/C/sikibu-murasaki/povestj-o-gendzi-gendzi-monogatari-kniga-1/> (дата обращения: 17.01.2019).

Нихон сёки : [Анналы Японии]: В 2 т. / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. Т. 1. Свитки I–XVI. СПб.: Гиперион, 1997. 496 с.

Силантьева М.В., Шестопал А.В. Антропологические и ценностные основания коммуникации: теоретические и прикладные аспекты // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 1(1). С. 11–23.

Судзуки Д.Т. Дзэн и японская культура. СПб.: Наука, 2003. 522 с.

Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. М.: Художественная литература, 1988. 479 с.

Сычёва Е.С. Символизм бабочек и светляков в фольклоре и современной массовой культуре Японии // Осмысление природы в японской культуре. Российская академия

народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, 2017. С. 167–190.

Таканага Х. Little Butterfly : [Маленькая бабочка]. Кайо:ся (дзэн сан кэн), 2001. (На яп.).

Умэя К. Муси-о кичу бунка : [Культура, которая слышит насекомых]. URL: <https://www.jataff.jp/konchu/listen/listen.html> (дата обращения: 10.01.2019). (На яп.).

Хэдленд Дэвис. Мифы и легенды Японии. М.: Центрполиграф, 2008. 379 с.

Цунода Т. Нихондзин-но но:. Но:-но хатараки то то:дзай-но бунка : [Мозг японцев. Работа мозга, восточная и западная культура]. Тайсю:кансётэн, 1978. 388 с. (На яп.).

Abe Namiko. Why the Firefly (Hotaru) Is Important in Japan? 21.06.2017. URL: <https://www.thoughtco.com/importance-of-the-firefly-2028102> (дата обращения: 01.02.2019).

Bleach (ブリーチ, «Блич»). Автор Кубо Т., реж. Абэ Н. Токио, Studio Pierrot, 2004–2012. 366 серий. (Мультфильм)

Cicadas in Japan 日本のセミ. URL: <http://lang-8.com/odon/journals/1034412/> (дата обращения: 15.01.2019).

Kendall P. 5 facts about the special significance of cicadas in Japan : [Пять фактов об особом значении цикад в Японии]. Japan Today. Aug. 16, 2014.

NHK : [Японская вещательная корпорация]. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/ru/> (дата обращения: 03.09.2017)

Pretty Soldier Sailor Moon S (美少女戦士セーラームーン S (–スーパー) , «Сэйлор-Мун – супер-воин»). Автор оригинала Такэути Н., реж. Икухара К., автор сценария Энокидо Ё. Токио: Toei Animation, 1994–1995. 38 серий. Мультфильм.

REFERENCES

Abe, Kobo. (1988). *Zhenshchina v peskakh. Chuzhoye litso* [The Woman in the Dunes. The Face of Another], Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Abe, Namiko. (2017). Why the Firefly (Hotaru) Is Important in Japan? 21 June. URL: <https://www.thought-so.com/importance-of-the-firefly-2028102> (accessed: 1 February 2019).

Alekseyev, V. (2006). *Babochki v mifakh i legendakh* [Butterflies in Myths and Legends], Moscow: Drofa. (In Russian).

Alpatov, V. (2008). *Yaponiya. Yazyk i kul'tura* [Japan. Language and Culture], Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russian).

Biblioteka Vsemirnoy literatury. Klassicheskaya poeziya Indii, Kitaya, Korei, V'yetnama, Yaponii. (1977). [Library of World Literature. Classical poetry in India, China, Korea, Vietnam, Japan], Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Bleach (2004–2012). Studio Pierrot, Tokyo.

Boreyko V. (2000). *Postizheniye ekologicheskoy teologii* [Comprehension of the ecological theology], Kiyevskiy ekologo-kul'turnyy tsentr, URL: <http://padaread.com/?book=94661> (accessed: 14 January 2019). (In Russian).

Cicadas in Japan, URL: <http://lang-8.com/odon/journals/1034412/> (accessed: 15 January 2019).

Gurevich, T. (2006–2008). *Yaponskiy yazyk: problema perevoda zoonimov* [Japanese language: the problem of translating zoonyms], in *Sopostavitel'naya lingvistika. Tipologiya yazykov.*

Teoriya perevoda: materialy 3-y mezhdunarodnoy konferentsii. Moskva–Kazan', Moscow, MGU: 47–56. (In Russian).

Gurevich, T., Izotova, N. (2018). Spetsifika zoologicheskogo koda yaponskoy kul'tury [Specificity of the zoological code of Japanese culture], *Kul'tura i tsivilizatsiya*, Vol. 8, 2A: 28–36. (In Russian).

Igarashi, Y. (2012). Origami-no rekishi to hoiku kyozaï toshite no origami ni kansuru kousai [A Study of History of Origami and Origami as Childcare Teaching Materials]. *Urava ronso*., Vol. 46: 45–68. URL: https://urawa.repo.nii.ac.jp/?action=repository_uri&item_id=351&file_id=18&file_no=1 (accessed: 23 January 2019). (In Japanese).

Il'ina, N. (2007). Yaponskaya mifologiya. Entsiklopediya. [Japanese mythology. An Encyclopedia]. St. Petersburg: Midgard. (In Russian).

Isi, Kh. (2017). Otnosheniye yapontsev k zhivotnym [Japanese Perceptions of Animals], *nippon.com – Informatsiya o Yaponii*, 13 July, URL: <https://www.nippon.com/ru/features/c03910/> (accessed: 17 February 2019). (In Russian).

Kamon-no yurai. Choumen [The origin of the family coat of arms – Butterfly]. URL: http://www.harimaya.com/o_kamon1/yurai/a_yurai/pack2/tyou.html (accessed: 17 January 2019). (In Japanese).

Kasai, M. (1997). Mushi to Nihon bunka [Insects and Japanese Culture], Taikousha. (In Japanese).

Kendall, P. (2014). 5 facts about the special significance of cicadas in Japan, *Japan Today*, 16 August.

Khedlend, D. (2008). Mify i legendy Yaponii [Myths and Legends of Japan], Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).

Kojien. (2008). Iwanami shoten, roku han. (In Japanese).

Konishi, M. (2005). Yaponskiye zhitovnyye i yaponskaya kul'tura: sverchki. [Japanese Animals and Culture: Fireflies], *Nipponiya*, 15 March, No. 32. URL: <https://web-japan.org/nipponia/nipponia32/ru/index.html> (data (accessed: 10 January 2019). (In Russian).

Kornilov, O. (2003). Yazykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities], Moscow: CheRo. (In Russian).

Koyama, I. (1972). Nihon minzoku no kokoro [Soul of the Japanese nation], *Bunka ruieigaku kousatsu*, Tokyo: 11-61. (In Japanese).

Krasnykh, V. (2002). Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lektsiy. [Ethnopsycholinguistics and linguistic cultural studies: A course of lectures], Moscow: Gnozis. (In Russian).

Kyouto Arashiyama kanko:-no tera. Suzumushidera: [Suzumusidera Temple in Arashiyama Kyoto Tourist Area], URL: <http://www.suzutera.or.jp/introduction/jizou.html> (accessed: 1 February 2019). (In Japanese).

Levi-Stross, K. (2013). Obratnaya storona lunny: Zаметki o Yaponii [The Other Face of the Moon: ritings on Japanese civilization], Moscow: Tekst. (In Russian).

Man'yūyeshū (1971). (Sobraniye miriad list'yev) [Manyōshū: (Collection of Ten Thousand Leaves)], Moscow: Glavnaya redaktsiya Vostochnoy literatury. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=134382> (accessed: 17 January 2019). (In Russian).

Meshcheryakov, A. (2008). *Kniga yaponskikh simbolov. Kniga yaponskikh obyknoveniy* [The book of Japanese symbols. The book of Japanese customs], Moscow: Izdatel'stvo «Natalis». (In Russian).

Murasaki, S. «Povest' o Gendzi» (Gendzi-monogatari)» [The Tale of Genji], URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/S/sikibu-murasaki/povestj-o-gendzi-gendzi-monogatari-kniga-1/> (accessed: 17 January 2019). (In Russian).

Nihon sēki (Annaly Yaponii) (1997) [The Chronicles of Japan]: V 2 t. / Transl. and commentary by L. M. Ermakova and A. N. Meshcheryakov, Vol. 1, Scrolls 1-16, St. Petersburg: Giperion. (In Russian).

NHK. 3.09.2017. (In Japanese).

Pretty Soldier Sailor Moon S (美少女戦士セーラームーン S (-スーパー)). (1994–1995). Tokyo: Toei Animation.

Sey, S. (1988). *Zapiski u izgolov'ya* [The Pillow Book], Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Silant'yeva, M. and Shestopal, A. (2017). Antropologicheskiye i tsennostnyye osnovaniya kommunikatsii: teoreticheskiye i prikladnyye aspekty [Communication Anthropological and Value Basics: Theoretical and Practical Aspects], *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura*, № 1(1): 11–23. (In Russian).

Sudzuki, D. (2003). *Dz-en i yaponskaya kul'tura* [Zen and Japan Culture], St. Petersburg: Nauka. (In Russian).

Sycheva, E. (2017). Simvolizm babochek i svetlyakov v fol'klоре i sovremennoy massovoy kul'ture Yaponii [Symbolism of butterflies and fireflies in folklore and modern Japanese mass culture], in *Osmysleniye prirody v yaponskoy kul'ture*, Moscow: Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri prezidente Rossiyskoy Federatsii: 167–190. (In Russian).

Takanaga, H. (2001). Little Butterfly, Kaiousha (zen san ken). (In Japanese).

Tsunoda, T. (1978). Nihonjin-no nou. No:-no hataraki to touzai-no bunka [The Japanese Brain], Taishuukanshoten. (In Japanese).

Umeya, K. Musi-o kiku bunka [Culture to hear insects], URL: <https://www.jataff.jp/konchu/listen/listen.html> (accessed: 10 January 2019). (In Japanese).

Поступила в редакцию 06.02.2019

Received 6 February 2019

Для цитирования: Гуревич Т.М., Изотова Н.Н. Энтомологический код японской культуры // Японские исследования. 2019. №1. С. 73–93. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10005

For citation: Gurevich T.M., Izotova N.N. (2019). Entomologicheskii kod yaponskoy kul'tury [The entomological code of Japanese culture], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 1: 73–93. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10005